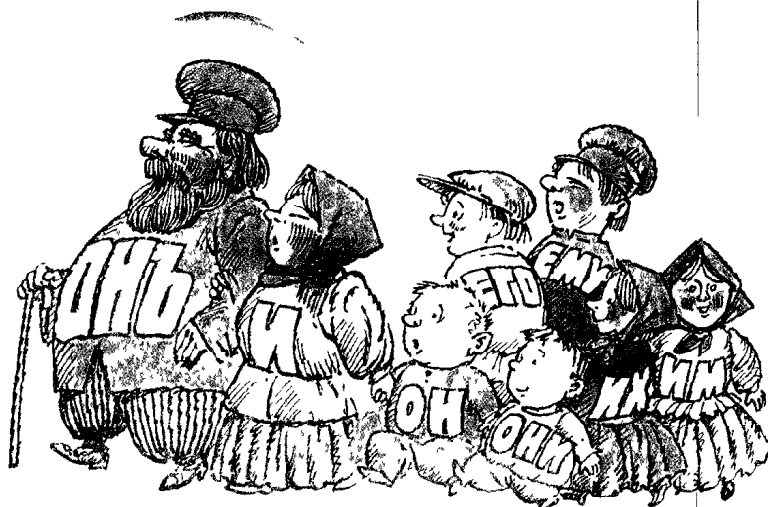

ное *себе*: у него были такие же грамматические особенности, как у местоимений *язь* и *ты*. Одна из этих особенностей сыграла большую роль в истории... глагола. Речь идёт об особых вариантах форм в дательном и винительном падежах. Например, в дательном падеже единственного числа: *мѣиѣ* и *ми*, *тобѣ* и *ти*, *собѣ* и *си*, в винительном падеже: *мене* и *мя*, *тебе* и *тя*, *себе* и *ся*. Варианты *ми*, *ти*, *мя*, *тя* позже утратились, а вот *ся* и *си* слились с глаголами и превратились в возвратный аффикс: литературные — *истугался*, *боялся*; диалектные — *истугалси*, *боялси*. В прошлом это сочетание главной формы и возвратного местоимения.

Особый вопрос истории личных местоимений — местоимение 3-го лица. Специального местоимения 3-го лица в древнерусском языке не было. В современном русском языке это слово *он*, не похожее на другие личные местоимения. Оно изменяется по родам, окончания при склонении у него такие же, как у неличных местоимений (сравните: *его* и *моего*, *ей* и *моей*, *ими* и *моими*...). Эти особенности выдают его происхождение: в древнерусском языке это местоимение было указательным со значением 'тот' (при указании на далёкий предмет). В таком же значении выступало ещё одно указательное местоимение — *и* (буква *и* обозначает здесь сочетание <ъ>, где <ь> — окончание, а <ј> — основа). С этими местоимениями связана интересная история. В двух совершенно одинаковых местоимениях не было надобности. Обычно в таких случаях либо два синонима начинают чем-то различаться (*страна* и *сторона*), либо одно слово вытесняет другое (так слово *аэроплан* было вытеснено синонимичным *самолёт*). Но судьба слов *онъ* и *и* была решена языком очень нестандартно: два слова слились в одно. От одного местоимения осталась «голова» (формы именительного падежа), а к ней пристроился «хвост» из косвенных падежей другого местоимения:

<i>онъ</i>	<i>она</i>	<i>они</i>	<i>и</i> (<ъ>)	<i>я</i>	<i>и</i>
<i>оного</i>	<i>оноѣ</i>	<i>онѣхъ</i>	<i>его</i>	<i>еѣ</i>	<i>ихъ</i>
<i>оному...</i>	<i>оной...</i>	<i>онѣмъ...</i>	<i>ему...</i>	<i>ей...</i>	<i>имъ...</i>

Вот оно, новое местоимение: *он*, *его*, *ему*; *они*, *их*, *им*. Постепенно оно приобрело значение лично-указательного. Так в русском языке появилось странное местоимение 3-го лица: изменяется по родам, что личным местоимениям не свойственно, и в разных падежных формах имеет совершенно разные основы: то *он-*, то *ј-*. Понятно теперь, почему: ведь в прошлом это основы разных слов!

ИСТОРИЯ ГЛАГОЛА

Древнерусский глагол значительно отличался от современного. За тысячу лет в нём произошло много изменений. Очень сильно изменилась система прошедших времён. Тот, кто изучает в школе английский, или немецкий, или французский язык, знает, как непросто бывает справиться со множеством глагольных времён. Система времён древнерусского глагола тоже была сложной.

У древнерусского глагола было четыре прошедших времени. Они различались не только по форме, но и по значению.

Аорист (от греч. «aoristos») близок по значению к нашему совершенному виду, а *имперфект* (от лат. imperfectum — «незавершённое») — к несовершенному. Сравните текст из «Слова о полку Игореве» с переводом. Аористы *занесе*, *вступи* и *поѣха* переводятся как *занесла*, *вступил* и *поехал* (все эти глаголы совершенного вида), а форма имперфекта *заступало* — глаголом несовершенного вида *заступало*. Если в летописи написано «*Игорь иде въ дань*», это означает «*Игорь пошёл за данью*». Если бы летописец хотел описать, как он шёл, то употребил бы тот же глагол, но в форме имперфекта: «*Игорь идяше*». Аорист и имперфект очень рано утратились в живом древнерусском языке. В книжно-письменном языке эти формы ещё долго употреблялись, но с ошибками, которые говорят о том, что авторы в своей речи их не использовали.

Утратился и *плюсквамперфект* (от лат. plusquamperfectum) — сложное время, которое называют иногда *давнопрошедшим*.

Оно обозначает действие, происходившее раньше другого действия, которое тоже было в прошлом, т. е. до момента речи. Например, в предложении «...*приведоша разбоиники их же бѣша яли въ селѣ*» две формы прошедшего времени: аорист *приведоша* (*привели*) и плюсквамперфект *бѣша яли* (*взяли до того, как привели*)

Итак, три времени утратились. А судьба четвертого времени — *перфекта* (от лат. perfectus — «совершенный») — оказалась необычной. Перфект был сложным временем. Он состоял из двух слов: вспомогательного глагола *быти* в формах настоящего времени и причастия прошедшего времени с суффиксом *-л-* (его так и называют: «причастие на *-л-*») спрягаемого глагола. Вспомогательный глагол имел формы лица и числа: 1-е лицо — *есмь*, 2-е лицо — *еси*, 3-е лицо — *есть*; множественное число: 1-е лицо — *есмь*, 2-е лицо — *есте*, 3-е лицо — *суть*, а причастие на

-л изменялось по родам и числам. Например, перфект глагола *одѣти* в 1-м лице единственного числа — *есмь одѣлъ (-а, -о)*; в 1-м лице множественного числа — *есмь одѣли (-ы, -а)*.

Примеры перфекта из древних текстов: «*добро дѣло створишь еси; яко же отци сущи уставили и заповѣдали*» Значение перфекта было таким: действие в прошлом + его результат в настоящем. В «Повести временных лет» древляне спрашивают Игоря (это другой князь Игорь, не тот, что в «Слове...»), в третий раз прошедшего за данью: «*по што идеши ѿнѣть поималъ еси всю дань и не послуша ихъ Игорьъ*». («Зачем опять идёшь? Забрал уже всю дань. И не послушал их Игорь»). Здесь две глагольные формы прошедшего времени с разным значением. Если аорист *послуша* выражает действие в прошлом без указания на его результат в настоящем, то в форме *поималъ еси* важно не столько то, что в прошлом было произведено

«ДЕЛО НЕ МЕДВЕДЬ...»

В русском языке есть пословица: «Дело не волк, в лес не убежит». Первоначально она была другой: «Дело не медведь, в лес не увидеть» (в глагольной форме на конце [éʔ], т. е. пословица рифмованная!). В глаголе *уйдет* сразу две диалектные особенности. одна — фонетическая (сохранился древнерусский звук [é], сравните в литературном языке [уд'от]), другая — морфологическая (окончание с мягким согласным [ʔ]).

В таком виде эта пословица до сих пор бытует на юге России: в южнорусских говорах в окончании 3-го лица обоих чисел — мягкий звук [ʔ]: *он спить, они спять*. Эта особенность унаследована южными говорами из древнерусского языка, где было обязательно так: *читать, читають, съпить, съпять* (поэтому и в современном украинском языке. *везуть, хвалять*). На севере мягкий [ʔ] заменился твердым [ʔ] (*читает, читают, спит, спят*). Из московского говора, по происхождению северного, формы с твердым [ʔ] попали в литературный язык.

С историей 3-го лица связано, очевидно, преобразование приведенной пословицы. Представим себе: пословица попадает в северные говоры, где в 3-м лице произносят не *уйд[éʔ]*, а *уй[д'от]*. Рифма *медведь* — *уйдет* нарушилась, и пословица стала нерифмованной. Поэтому слово *медведь* в ней уже не обязательно, его можно заменить близким по значению словом *волк*, глагол *уйдет* тоже заменится другим — *убежит*. В второй вариант пословицы, конечно, северный. Об этом, кстати, говорит и слово *волк*: на юге было бы *бирюк*.

СЛОЖНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

1 550, 25.

2. Обозначения времени типа *полседьмого, четверть третьего*.

3. *Полтора* ← **пolveтора*, *полтора* ← **пolveтора*.

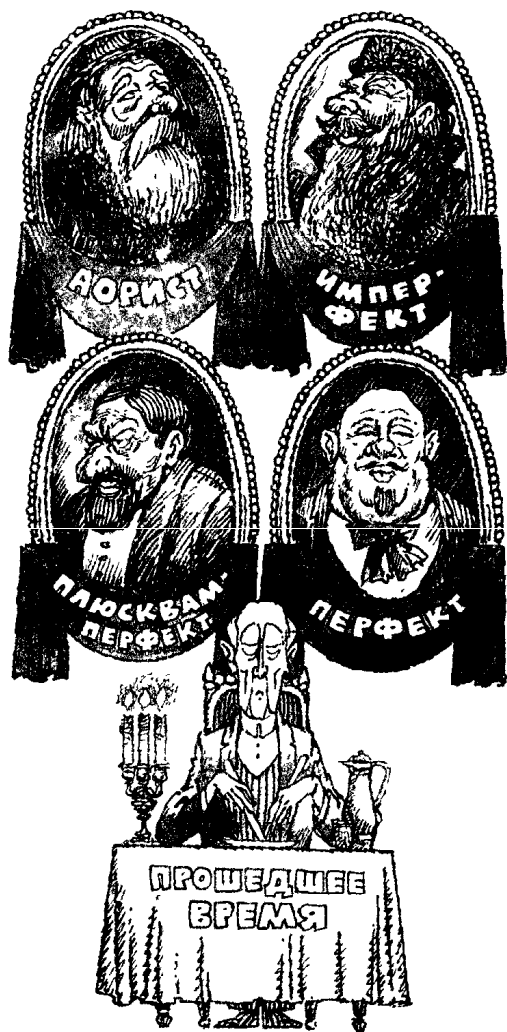
ЖИЛИ-БЫЛИ

Диахронические исследования позволяют лучше понять детали строения и функционирования языковой системы, «застигнутой» на том или ином этапе развития. Многие элементы языковой системы можно объяснить, лишь обратившись к диахронии. Так, русские народные сказки обычно начинаются с традиционного зачина: *Жили-были...* Перед историком языка в этом зачине открывается остаток (реликт) древнерусской сложной временной формы от глагола *жить* — давнопрошедшее время (плюсквамперфект). Оно образовывалось формой прошедшего времени спрягаемого глагола и глаголом *быть*, подобно английскому *had gone*, французскому *était venu* или немецкому *war gegangen*. В древних текстах фраза, содержащая глагол в плюсквамперфекте, часто стоит в начале повествования, как, например, в одной новгородской грамоте XII в.: «...*оставили мя* (меня. — Прим. ред.) *были людье...*». К этой же форме восходят и русские конструкции с так называемым «прерванным» прошедшим временем: *Хотел бы-ло съестъ последний кусок торта, да стыдно стало*.

действие, сколько то, что оно имело последствие в настоящий момент. Речь древлян можно было бы перевести и так: «Зачем ты опять идёшь? Ведь вся дань у тебя» (потому что ты её взял раньше).

Что же дальше произошло с перфектом? Утратился вспомогательный глагол, а причастие на *-л* остаётся. Это и есть наше прошедшее время *одел, знал, нёс, помог* (в последних формах суффикс нулевой, так как звук [л] в сочетании с согласным на конце слова утратился). Без вспомогательного глагола оно утратило узкое перфектное значение. Его суффикс выражает только отнесённость действия к прошлому.

История прошедших времён помогает понять особенность современного прошедшего времени, отличающую его от других времён: будучи по происхождению причастием, оно, естественно, не может изменяться по лицам, но зато изменяется по родам.

ИСТОРИЯ ПРИЧАСТИЙ И ДЕЕПРИЧАСТИЙ

История русского причастия богата событиями. В древнерусском языке, как и в современном, причастие совмещало признаки глагола и прилагательного. Постепенно одни причастные формы утрачивали глагольные признаки, другие лишались признаков прилагательных. И те и другие приобретали новое значение — а значит, переходили в другие грамматические классы слов. При этом они как бы раздваивались: старая причастная форма, одновременно оставаясь причастием, переходила в другой класс. Возникли омонимы — причастие и не причастие (например, *любимый* сейчас и причастие, и прилагательное).

В некоторых случаях возникшие таким образом омонимы различались на письме. В школе проходят орфографическое правило: в причастиях типа *жаренный* (на сковороде) надо писать два *н*, а в прилагательном типа *жареный* (картофель) — одно *н*. Оба этих слова восходят к причастию *жареныи*, которое впоследствии «раздвоилось».

Другие формы окончательно «порвали» с причастием. Причастия на *-л* стали глаголами прошедшего времени. Утратив глагольные признаки, действительные причастия настоящего времени с суффиксами *-уч-, -ач-* «покинули» причастие и стали прилагательными: *висячий, стоячий, лежащий, могучий* и т. п. Вместо них русский язык принял старославянские по происхождению причастия с суффиксами *-уш-* и *-аш-*: *стоящий, лежащий, висящий, могущий* и т. п.

Сравните, например, слова *висящий* и *висячий*. Первое из них выражает действие (состояние) как признак предмета, есть у него и значение времени (глагольный признак!): *висящая лампа* — это 'лампа, которая висит', в отличие от *висевшей* 'той, которая висела'. Слово *висячий* имеет другое значение — 'предназначенный для того, чтобы висеть' (лампа, например, может и не висеть, но она не перестает быть висячей, это её постоянный признак), значение времени действия отсутствует.

Другой случай. Причастия выражают признаки предмета, а потому согласуются с существительными и имеют родовые, числовые и падежные формы. Всё это было присуще и кратким действительным причастиям настоящего и прошедшего времени: *любя* 'любящий', 'любящее'; *любячи* 'любящая'; *играя* 'играющий', 'играющее', *играючи* 'играющая'; *сдѣлавъ* 'сделавший', 'сделавшее'; *сдѣлавши* 'сделавшая'.

Во всех этих формах легко узнать современные деепричастия. Подобные причастные формы постепенно утратили признаки прилагательных. Вместо признака предмета они стали выражать признак действия. Порвались связи с существительным, бывшие причастия застыли в форме именительного падежа. Так в русском языке возник новый грамматический класс слов — деепричастие.

В современном русском языке есть два суффикса повелительного наклонения: **-и** (*неси — несите, говори — говорите* и т. д.) и нулевой суффикс (*читай — читайте, дерзай — дерзайте* и т. п.). В древнерусском языке нулевого суффикса не было, он возник исторически, когда в формах повелительного наклонения в положении после ударения стал утрачиваться звук [и]. Было: *чидати* [ji], *сѣдлати* [ji], *бидати* [ji], стало: *читай* [j], *седлай* [j], *бей* [j]. Под ударением [и] сохранился. В русских говорах суффикс **-и** иногда сохранялся также в заударном положении. В таких говорах и сейчас можно услышать *встанѣи, сядѣи*. Правда, и в литературном языке есть *вынеси, вывези, вывали*, но подобные формы существуют по аналогии с формами производящих глаголов (*неси, вези, вали*), где суффикс сохранился, так как был под ударением.

Подобное явление наблюдается и в неопределённой форме (инфинитиве). В современном русском языке на конце инфинитива в одних формах есть [и], а в других нет. Здесь проявляется разная историческая судьба звука [и], который был обязателен на конце инфинитива: под ударением он сохранился, а в заударном положении утратился. Поэтому в современном языке *нести, плести* (из *нести, плести*), но *спать, беречь* (из *спѣати, берѣчи*). Правда, в диалектных или просторечных формах может быть иначе: «*Так дом мой, как он есть, / Велю машинами к реке я **перевести***»; «*Беда, коль пироги начнѣт **печи** сапожник, / А сапоги тачать **пирожник***» (из басен И. А. Крылова).

НЕКОТОРЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СИНТАКСИСЕ

В современном русском языке составное именное сказуемое образуется при помощи глагола-связки *быть*: Праздник **был** весёлым. В формах настоящего времени связку опускают, она становится нулевой: Праздник **весёлый**. В древнерусском языке в роли связки в именном сказуемом выступал глагол *быти*. Но особенность древнерусской связки заключалась в том, что она употреблялась не только в будущем или прошедшем, но и в настоящем времени. В примере из «Слова о полку Игореве»: «*оба есѣ **Святъславичя***» составное сказуемое — *есѣ **Святъславичя***; *есѣ* — связка в настоящем времени. В переводе связка опущена, сказуемое — *Святъславичи* и нулевая связка. Древнерусское — *кто будетъ виноватъ*, современное — **будет** виноват; древнерусское — *ты имѣ будешь началь-*

никъ, современное — **будешь** начальником. Связка сохраняется. Предложению *ты еси старѣишии братъ* в современном русском соответствует *ты старший брат*. Связка утратилась. Нулевая связка была возможна, по-видимому, и в древнерусском языке (такие случаи в памятниках есть). Со временем именно этот редкий вариант стал основным.

С именным сказуемым связано ещё одно историческое изменение. В современном русском языке — **будешь начальником**. В древнерусском — *будешь начальником*. Неизменной остаётся связка, но зато изменяется именная часть: вместо формы именительного падежа в ней появляется форма творительного падежа.

Старый именительный падеж в именном сказуемом нередко можно встретить в художественных произведениях XIX в. Например: «*В то время **был** ещё **жених** её супругу*» (А. С. Пушкин); «*Терпи казак — **атаман** будешь*» (Н. В. Гоголь); «*Он решил, что женитьба на Элен **была бы несчастье***» (Л. Толстой). Современный человек сказал бы: *был женихом, атаманом будешь, была бы несчастьем*.

В древнерусском языке по сравнению с современным было значительно больше всевозможных беспредложных конструкций, т. е. довольно часто употребляли разные падежные формы с разными значениями без предлога. Примеры из памятников: «*отбился ихъ*» (современное — *отбился от них*); «*къто Всеволоду приятель бояръ*» (*кто из бояр...*); «*Игорь же дошедеъ Дуная созва дружину*» (*дойдя до Дуная*); «*посла Святослава Чернигову*» (*к Чернигову*); «*азъ оутро пошло по вы*» (*наутро на утро*).

Формы местного падежа в значении места и времени тоже могли употребляться без предлогов: «*оженися Мьстиславъ кыевѣ*» (*в Киеве*); «*поставися князь пльсковѣ*» (*в Пскове*); «*исцѣлѣ отрокъ тамъ часѣ*» (*в том часу*). Позже местный падеж стал невозможен без предлога, потому и стал называться предложным (впервые так его назвал М. В. Ломоносов).

Предложные конструкции стали распространяться не случайно: предлоги помогают падежным формам более чётко выражать разные значения словосочетаний. Старые беспредложные конструкции также оставили следы в русском языке. Ещё в художественных произведениях XIX столетия встречаются сочетания глагола *бежать* с беспредложным родительным: «*Её постели сон бежит*» (А. С. Пушкин); «*О ты, кого я с ужасом бежал*» (Н. А. Некрасов); «*Беги меня, дитя моё*» (Н. Г. Чернышевский).